

Социология

УДК 316.774(045)

М.Н. Макарова

К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ДИСКУРСА

Рассматривается методология критического дискурс-анализа как универсального метода социолингвистического анализа текстов. Проанализированы основные подходы к дискурсу, общей характеристикой которых является репрезентация социальной среды в определенных языковых практиках. Наиболее развернутая концепция представлена в работах Нормана Фейркло, который рассматривал дискурс как использование языка в форме социальной практики. Фейркло выделяет несколько тенденций трансформации макроструктуры дискурсов в современном обществе: технологизация, маркетизация, коммодификация и демократизация дискурса. Все эти тенденции характеризуют трансформацию обществ позднего капитализма. Подчеркивается междисциплинарный характер критического дискурс-анализа, его нацеленность на проблемы социального неравенства и власти в обществе, его идеологизм и взаимосвязь с социальными агентами различного уровня. Интертекстуальность и интердискурсивность показывают целостность дискурса, которая проявляется в социально обусловленных и принятых в определенном обществе установках и ценностях, репрезентируемых дискурсом. Категории интертекстуальности и интердискурсивности необходимы для анализа дискурса, с одной стороны, как целостного явления, включающего в себя определенные специфические тексты и жанры, а с другой – являющиеся частью других дискурсов и репрезентирует сложившиеся в данном обществе отношения власти. Существует множество подходов к логике критического дискурс-анализа, ключевым из которых является подход, основанный на том, какие социальные акторы присутствуют в дискурсе, как они позиционируются, какова их деятельность и в каком социальном контексте она происходит. Рассмотрены также ключевые термины дискурс-анализа, такие, как «пресуппозиция» и «коэрсия». Показана роль основных стратегий дискурса: референтных, предикационных, стратегий аргументации, легитимации и топик. Весь процесс реализации стратегий представляет собой движение от субъекта к знанию и раскрывает картину мира, представленную в дискурсе и диспозиции основных акторов. Стратегии показывают, каким образом дискурс формирует социальную идентичность субъектов, их социальную позицию, отношения между ними и картину мира, на которой основаны эти отношения.

Ключевые слова: дискурс, критический дискурс-анализ, стратегии дискурса, интертекстуальность, интердискурсивность, пресуппозиция, коэрсия, топик.

В настоящее время дискурс-анализ приобрел форму междисциплинарного метода, опирающегося на результаты исследований разных наук. Существует масса определений дискурса, в зависимости от используемого подхода (когнитивного, социолингвистического, прагматического, психологического и т.д.). В центре внимания анализа будет находиться такое понимание дискурса, которое берет за основу его взаимосвязь с социальными практиками и социальными институтами.

Существенной в исследовании дискурса стала ориентация на когнитивные и социальные процессы. Французское слово *discours* произошло от латинского *discursus* – рассуждение, довод. Дискурс создается в определенном смысловом поле и призван передавать определенные смыслы, нацелен на коммуникативное действие в особой языковой среде. Многообразие дискурсов вызвано тем, что языковые практики конструируются, как правило, для различных целей, аудиторий, ситуаций, происходят в конкретной социальной среде. Как пишут М.В. Йоргансен и Л.Дж. Филлипс, язык – это не просто канал передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении, а механизм, который конструирует социальный мир [4. С. 30-31].

Наиболее распространенной трактовкой дискурса является его соотношение с понятием «текст» – это «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания» [1. С. 136]. Это значит, что понятие дискурс необходимо рассматривать в контексте той социальной среды и социальной практики, в которой он формируется. М.Л. Макаров отмечает, что в «контексте идей постструктурализма и постмодернизма дискурс все

больше рассматривается как специфическая для конкретной культуры и социума языковая реализация, конструирующая определенный «социальный порядок» [5. С. 202].

Тео ван Дейк определяет дискурс как коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Оно может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Именно понимание дискурса, предложенное ван Дейком, впоследствии широко вошло в научный оборот и особенно активно используется в отечественных разработках понятия «дискурс».

Норман Фейркло в этом отношении является еще более радикальным, поскольку определяет дискурс как использование языка в качестве формы социальной практики. Дискурс в его понимании представляется как форма действия, посредством которого люди могут взаимодействовать с миром и друг с другом, а также как форма репрезентации [8. Р. 63]. Эти два компонента понимания дискурса являются, на наш взгляд, ключевыми, и должны быть взяты за основу дальнейшего анализа. Он также разделяет три аспекта конститутивного воздействия дискурса, то есть каким образом дискурс формирует социальную реальность и социальные действия людей. Первый из них основан на том, что дискурс репрезентирует социального субъекта или субъектов, социальную идентичность этих субъектов, их социальную позицию (self). Во-вторых, дискурс помогает конструировать социальные отношения между людьми. Третий аспект представляет собой вклад дискурса в формирование системы знаний и верований, иначе говоря, определенной картины мира. Этот третий эффект, по мысли Фейркло, отсылает к трем функциям языка – «идентификационной», «реляционной» и «идеациональной». Идентификационная функция языка относится к тем формам, посредством которых идентичность формируется в дискурсе, реляционная функция показывает, как устанавливаются и развиваются социальные отношения между участниками дискурса; идеациональная функция – способы, которыми текст репрезентирует мир, процессы, явления и отношения [8. Р. 64].

Ван Дейк в работе «Дискурс и контекст» подчеркивал неотъемлемую связь дискурса и контекста, определяя последний как репрезентацию коммуникативного эпизода в целом, включая коммуникативные события (текст, разговор) как таковые, или как репрезентацию определенной социальной среды, в которой они осуществляются. С лингвистической точки зрения, это означает, что применительно к тому или иному контексту участники общения используют языковые средства применительно к той или иной социальной ситуации [11. Р.119,134]. Они используют грамматические, жанровые, фонетические, синтаксические и иные нормы языка для определения социальной ситуации, с одной стороны, а с другой – сама социальная ситуация оказывает влияние на применение тех или иных языковых норм. Эта важная сторона дискурса подчеркивается многими исследователями – с одной стороны, дискурс как языковое явление формируется социальным контекстом, с другой – сам по себе формирует социальную среду, в которой оказываются субъекты дискурса (говорящие, слушающие, читающие и т. д.), маркируя ее и отделяя от иных дискурсов. Этот аспект глубоко проанализирован Фейркло, который особо подчеркивал конститутивный характер дискурса, однако указывал и на дискуссионность этой характеристики. Его пример с семейными отношениями хорошо известен: отношения и позиции членов семьи закреплены не только в реальных отношениях и в поведении, но и в формах речи и письма, в частности, в нормативно-правовой системе отношений между полами и семейными отношениями, в дискурсивных практиках властных отношений в семье [8. Р.65-66].

Соционормативный аспект показывает, каким образом социальная структура и социальные нормы могут быть представлены в дискурсе. Диалектическая взаимосвязь дискурса и социальной структуры отражается также в том, что, по мысли Фейркло, социальные практики имеют различные модификации – экономические, политические, культурные, идеологические – и дискурс может быть включен в каждую из них без необходимости сводить социальные практики к дискурсу. Например, существует множество способов, посредством которых дискурс может быть представлен как форма экономической практики – «дискурс представляет собой в различных категориях неотъемлемую часть экономических практик, имеющих как недискурсивную природу, такую, например, как строительство мостов или производство стиральных машин, так и дискурсивную, например, журналистика или фондовый рынок» [8. Р. 77-78].

Языковые (лингвистические) аспекты дискурс-анализа в его взаимосвязи с социальной структурой и социальной средой представляют собой достаточно сложный и противоречивый феномен. Мы также будем опираться на концепцию Фейркло, который выделял три уровня лингвистического

анализа дискурса как социальной практики: лексика, грамматика, кохезия и структура текста. Лексика связана со значением конкретных слов в тексте, грамматика – со словами, соединенными в высказывания и предложения, кохезия предполагает взаимосвязь этих высказываний и предложений друг с другом, а структура текста – его архитектуру, специфический, более высокий уровень организации текста, то есть каким образом части или эпизоды связаны и структурированы. Такое структурирование может пролить свет на структуру знаний, картину мира, представленную в дискурсе и допущения относительно социальных отношений и социальной структуры, отражаемой определенным дискурсом [8. Р. 77-78].

Фейркло выделяет несколько тенденций трансформации макроструктуры дискурсов в современном обществе. В данной статье мы не будем касаться факторов этой трансформации. Нас будут интересовать лишь те аспекты трансформации, которые приводят ко все большей институционализации современных дискурсов, что в свою очередь обуславливает методологические принципы и методике дискурс-анализа, поскольку отражается в практиках использования языка в различных сферах социальной коммуникации.

Первая тенденция охарактеризована автором как «технологизация» дискурса. Эта тенденция означает, что дискурс начинает отражать и приобретать принципы социального института и оцениваться с точки зрения его эффективности, результативности организационных процессов и действий, взаимодействия субъектов. Главной характеристикой технологизации является формирование экспертного знания, продуцируемого «технологами дискурса» [7. Р. 103]. Формирование убеждающего и манипулятивного дискурса нуждается в научном подходе, поэтому чаще всего в качестве экспертов выступают ученые, политехнологи, консультанты, обладающие когнитивным и информационным ресурсом, доступом к научной информации, вследствие чего их интерпретация придает дискурсивной практике «ауру истины». Они также формируют институциональные практики, поскольку обладают аккредитационными привилегиями и формируют рутинные практики институтов и механизмы воспроизводства. Можно привести примеры тренингов, проводимых в компании, которые являются необходимым условием для получения сертификатов, для проведения которых приглашаются специальные консультанты. Тренинги развития способностей и иные образовательные практики становятся также одной из характеристик технологизации дискурса.

Другим аспектом технологизации дискурса является движение в сторону развития системы контроля, проверки и санкций («policing»). Это движение, отмечает Фейркло, осуществляется, начиная с локального уровня, в сторону «транsinституционального», поскольку создает систему показателей и оценок существующих практик, измерений соответствия нормам и т.д. Технологи дискурса также формируют «дискурсивные техники», например, интервьюирование, консультирование, тренинг, семинар, с целью максимизировать свою эффективность. Например, существуют четкие правила взаимодействия в ходе проведения интервью, тренинга, которые устанавливаются с целью лучшего воздействия на клиента, получения определенной информации, обучения и т. д., то есть в целом повышают эффективность социального института. Фейркло вводит понятие «свободных от контекста» («context-free») технологий, то есть предназначенных для использования в любом релевантном контексте. Эта тенденция присутствует в тренингах, которые могут использоваться для передачи необходимых знаний и умений персонала организации, («teaching for transfer»), это проявляется также в унифицированных маркетинговых и рекламных технологиях, которые становятся все более гибкими и удобными в использовании в различных условиях. Конечным результатом является симуляция переноса из других сфер различных дискурсивных практик с целью повышения эффективности дискурса и практики как таковой. Например, «дружественное» общение в процессе интервью является своего рода симуляцией. Как следствие всех представленных характеристик технологизации дискурса возникает стандартизация и нормирование дискурсивных практик, как в различных институциональных, так и в профессиональных дискурсах.

Другой характеристикой дискурса «позднего капитализма» Фейркло считает «маркетинговую» дискурса. Современная культура давно стала культурой промоушена и потребления. Влияние маркетингового и рекламного дискурса наблюдается даже в сферах, далеких от бизнеса, например, в образовании. Фейркло, в частности, анализирует объявления о работе в университетах и находит в них наличие коньюмеристского дискурса. «Дискурс становится способом продажи товаров, благ, организаций, идей и людей – благодаря порядку дискурса» [7. Р. 138].

С этим процессом связана тенденция «коммодификации» дискурса, в ходе которой сферы без задач производства предметов потребления в узко экономическом понимании, становятся организованы и концептуализированы в соответствии с принципами производства, распределения и потребления, то есть, становятся своего рода «индустрией» [8. Р. 207]. В терминах дискурс-анализа это означает колонизацию институционального порядка дискурса и более широкого социетального порядка дискурса, посредством чего дискурс ассоциируется с производством продуктов. Фейркло также приводит множество примеров трансформации современного образовательного дискурса посредством продвижения учебного курса или тренинга, формирующего у студента необходимые ему для будущей работы навыки и т. д.

И последняя тенденция трансформации современных дискурсов, которую мы рассмотрим, это тенденция «демократизации» дискурса. Под ней подразумевается «нивелирование асимметрии в дискурсивных и лингвистических правах» [8. Р. 201], которая проявляется в отношениях между лингвистическими и социальными диалектами, доступе к престижным типам дискурса, тенденции к растущей деформализации языка, и т.д. Однако это не означает, что асимметрия властных отношений нивелируется полностью, она становится лишь более скрытой и изощренной, вследствие чего может превратиться в более опасную тенденцию «симулирования демократизации».

Созданные в лингвистике междисциплинарные направления для изучения дискурса стали неотъемлемой частью нового раздела в языкознании – дискурсивного анализа (*discourse analysis*), известного также как исследование дискурса (*discourse studies*). Критический дискурс-анализ сформировался как достаточно популярное направление исследований в конце XX в., в котором прослеживалось влияние неомарксизма и постструктурализма, а также теории социальных проблем. Наиболее яркими его представителями являются Т. ван Дейк, Р. Водак, Н. Фейркло.

Рассмотрим определения критического дискурс-анализа (КДА), представленного в работах каждого из этих авторов. Ван Дейк определяет КДА как тип дискурс-аналитического исследования, который преимущественно направлен на изучение способов использования власти, доминирования и неравенства, представленных в тексте и выраженных в социально-политическом контексте [10. Р. 352]. Фейркло дает менее радикальное определение: «Цель "критического дискурс-анализа" – систематически выявлять отношения обусловленности между дискурсивными практиками, событиями и текстами, а также широкими социальными и культурными структурами, отношениями и процессами с целью исследовать, каким образом подобные практики, события и тексты вытекают из отношений власти и формируются этими отношениями; выявить, как пелена этих взаимоотношений между дискурсом и социумом может выступать фактором закрепления власти и гегемонии» [7. Р. 132-133]. Рут Водак дает следующее определение: «Критическая лингвистика определяется как анализирующая как скрытые, так и прозрачные структуры отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля как представленные в языке. Другими словами, цель КДА – критически исследовать социальное неравенство как отраженное, обозначенное, конституируемое, легитимизированное и т. д. посредством использования языка» [3. С. 288].

КДА ориентирован на анализ существующих в обществе социальных проблем. В частности, проблемы дискриминации различных социальных групп (расовых, этнических, гендерных и др.) стоят на первом месте. Эти социальные проблемы не только сами существуют отдельно от языка, но и конституируются посредством языка. Это особенно ярко проявляется в языке СМИ и политических деятелей. Из этого вытекает такое свойство КДА, как его междисциплинарный характер. Социальные проблемы невозможно выявлять, исследовать, решать силами какой-то одной науки. Как утверждает ван Дейк, мультидисциплинарный подход является важнейшим требованием, предъявляемым к КДА, поскольку в его задачу входит «исследовать запутанные взаимосвязи между текстом, речью, социальными условиями, властью, обществом и культурой». Тем не менее можно выделить две ключевые области научного знания, имеющие превалирующий характер – это социология и лингвистика. В связи с этим представители КДА, в отличие от политиков и активистов, отмечает ван Дейк, не преследуют цели немедленного решения социальных проблем. Их задача – представить наиболее общий взгляд, и иногда, не директивный и долговременный подход к анализу фундаментальных причин, условий и последствий этих проблем. Тем не менее Рут Водак настаивает на том, что результаты КДА могут и должны иметь непосредственное практическое применение, как и другие исследования социологов, например, для повышения доступности СМИ, для защиты прав и интересов ущемленных социальных групп [3. С. 288].

Отсюда вытекает следующая особенность КДА: основная его задача-показать, каким образом в дискурсе происходит воспроизводство социального неравенства, и, как следствие, властных отноше-

ний. Власть включает контроль одних групп над другими, то есть власть или доминирование одних групп предполагает ограничение свободы других групп и влияние на их сознание и образ мышления. Современная власть отличается тем, что она в большинстве своем носит когнитивный или манипулятивный характер, то есть, посредством различных стратегических механизмов способна изменить сознание людей или оказать влияние на них в своих собственных интересах. В своей работе «Дискурс и власть» ван Дейк отмечает, что критико-дискурсивные исследования направлены не на изучение любой власти, а, главным образом, на исследование злоупотребления властью или, иными словами, на исследование таких форм доминирования, которые resultируют в социальном неравенстве и несправедливости [2. С. 18].

Из этого вытекает также следующая черта КДА – это репрезентация субъектности, идентичности в дискурсе. Р. Водак, например, также определяет в качестве фундаментальной характеристики современного политического дискурса позитивную репрезентацию себя и негативную репрезентацию других [13. Р. 208].

Специфической чертой КДА является отнесенность анализа к тому, кто является субъектом дискурса, как представлены те или иные социальные группы, кому адресован дискурс и т. д. Различные группы могут иметь разный доступ к ресурсам и к дискурсу. Например, топ-менеджеры могут иметь доступ к документам, обсуждаемым и принимаемым советом директоров, а рядовые менеджеры – только к отчетам и выступлениям, нормативам и инструкциям, принятым топ-менеджерами.

Другой чертой КДА является подчеркивание его идеологичности, то есть взаимосвязи с ценностями определенных социальных групп, поскольку дискурс представляет собой способ идентификации и репрезентации властных отношений, то соответственно идеологический компонент также является важным. Идеология, как правило, завуалирована в дискурсе посредством определенных стилистических, лингвистических, семантических и иных категорий, которые в рамках КДА предполагается выделить и тем самым, развенчать идеологию, показать ее скрытые смыслы и, возможно, ее манипулятивный характер. Дискурс-анализ должен предполагать также выявление этих ценностей и установление их взаимосвязи с более сложными макроструктурами коллективного сознания и мышления, представленными в кратковременной и долговременной социальной памяти.

Таким образом, КДА делает акцент на взаимосвязи дискурса и социального действия, социальной практики. Дискурс не только является отражением социальной практики, но и сам является социальной практикой, формирующей как ментальные, так и поведенческие установки субъектов дискурса. Критический дискурс-анализ, соответственно, формирует, так называемую концепцию «диалогичности» (dialogicity). Авторы указывают на такую особенность дискурса как взаимосвязь между языком и социальной макроструктурой, которая пытается объяснить процессы производства и интерпретации дискурса. Файркло и Водак демонстрируют эту взаимосвязь в ключевой посылке о том, что дискурс социально сконструирован, и в то же время сам конструирует общество.

Мы будем следовать логике дискурс-анализа, используемой Р. Водак, которая является основоположником так называемого «дискурс-исторического подхода» в критическом дискурс-анализе. В качестве первого этапа анализа дискурса она предлагает обоснование его целостности, или, иначе говоря, наличия дискурса как такового. Существует ли дискурс как некое целостное явление? В основе этого этапа лежит выявление «интертекстуальных и интердискурсивных отношений между высказываниями, текстами, жанрами и дискурсами» [14. Р. 48].

На этом этапе необходимо четко разделить понятия «дискурс» и «текст». Дискурс представляет собой репрезентацию социальных практик и структур, в то же время текст выступает формой реализации дискурса [14. Р. 48]. Тексты составляют «жанры». Жанр представляет собой «особое использование языка, которое составляет часть отдельной социальной практики, например, жанр интервью, жанр новостей или рекламный жанр» [4. С. 120]. Текст имеет смысл только во взаимосвязи с другими текстами. Взаимосвязь между различными текстами носит название «интертекстуальности», которая предполагает, что текст может быть трансформирован предыдущими текстами и реструктурировать существующие жанры и дискурсы, чтобы создать новый текст. Текст создается не на пустом месте, в его основу положен контекст и существующие уже до этого тексты. Можно говорить о разных типах интертекстуальности – горизонтальной (вплетение одного текста в другой, диалог текстов – например, Мартин Лютер Кинг в одной из своих речей использует Декларацию независимости и фразы Авраама Линкольна [6. Р.64]) и вертикальной – иерархия текстов (например, в псалтыре используются фразы из Библии как более важного, программного документа). Этот процесс носит название «реконтекстуализации», в результате чего может быть образован новый дискурс.

Дискурсы могут быть между собой взаимосвязаны и переплетены, что проявляется в явлении «интердискурсивности». То есть изучаемый нами дискурс может быть взаимосвязан с другими дискурсами и сам являться частью того или иного дискурса. Взаимосвязь между дискурсами отражает, по Фейркло, отношения гегемонии как неравномерного распределения власти. Она может выражаться в пресуппозициях, то есть в использовании элементов языка и содержания текста, когда нечто манифестируется как данное, знакомое и понятное, то есть уже известное из других текстов. Существует множество вариантов пресуппозиций, например, она может приобретать форму отрицания, лексикализации, метафоры, а также существует масса лексико-грамматических способов показать их. Функции пресуппозиций многообразны. Во-первых, они дают нам понять, как связаны между собой компоненты различных дискурсов и какова связь между структурами дискурса и социальными структурами, продуцирующими те или иные тексты. Во-вторых, они могут использоваться для так называемой позитивной самопрезентации и негативной презентации других [11. Р. 185]. В-третьих, они могут использоваться для избежания ответственности за явное утверждение. Как пишет ван Дейк, «множество форм расистского или сексистского дискурса закодированы в них». Например, это использование местоимений *that, he, she*, и т.д., глаголов *forget, regret, realize* и т.д.

Ван Дейк использует понятие «К-девайсы» или «К-стратегии» для обозначения некоего общего знания, которое позиционируется как «наше знание» и тем самым используется для саморепрезентации группы и отделения ее от других. В этом случае многое недоговаривается, либо шифруется в различных структурах, воспринимается как данное. Это может быть личное знание (“Did I tell you about?”), специфическое социальное знание, например, очень часто в журналистике используются ссылки на предыдущие тексты (“As we reported yesterday.”), а также общее социокультурное знание, формирующее «эпистемологические сообщества». В данном случае эти категории могут маркировать принадлежность к той или иной группе – экспертной, профессиональной, национальной и т.д.

Интертекстуальность и интердискурсивность показывают целостность дискурса и его интенциональность (направленность), которая проявляется в социально обусловленных и принятых в определенном обществе установках и ценностях, репрезентируемых дискурсом. Таким образом, выявление интертекстуальности и интердискурсивности необходимо для анализа дискурса, с одной стороны, как целостного явления, включающего в себя определенные специфические тексты и жанры, а с другой, – являющиеся частью других дискурсов и репрезентирующие это явление, сложившиеся в данном обществе отношения власти. Это поможет определить жанровую специфику антикоррупционного дискурса и его взаимосвязь с современными социальными процессами.

Важное направление в КДА – это реализация стратегий дискурса. Между тем стратегии дискурса могут использоваться для разных целей, и поэтому должны иметь определенную взаимосвязь и логику, чтобы в своей совокупности раскрыть логику дискурса, ту картину мира, которую он представляет, что в критическом дискурс-анализе равнозначно «позитивной презентации себя и негативной презентации других». Стратегию стоит понимать как концептуальный проект действий, «практик, направленный и адаптированный на достижение политических, социальных или лингвистических целей» [14. Р. 49]. Существует множество подходов к логике КДА, но, на наш взгляд, ключевым является подход, основанный на том, какие социальные акторы присутствуют в дискурсе, как они позиционируются, какова их деятельность и в каком социальном контексте она происходит. Методологически этот подход представлен в понимании функций дискурса Фейркло.

Дискурс формирует:

- социального субъекта или субъектов, социальную идентичность этих субъектов, их социальную позицию (self);
- социальные отношения между людьми и социальное поведение;
- определенную систему знаний, картину мира.

Это соотносится с тремя функциям языка – «идентификационной», «реляционной» и «идеациональной». Идентификационная функция языка относится к тем формам, посредством которых идентичность формируется в дискурсе, реляционная функция показывает, как устанавливаются и развиваются социальные отношения между участниками дискурса; идеациональная функция – способы, которыми текст репрезентирует мир, процессы, явления и отношения [8. Р. 64]. Это движение от субъекта к знанию относится ко многим концепциями дискурс-анализа, в том числе к восхождению к теории, концепции ван Дейка и др. Мы воспользуемся типологией стратегий, предложенной Р. Водак.

Первый уровень представляет, какие социальные субъекты представлены (или не представлены) в тексте, а также – какими качествами они наделяются. Для этого уровня, на наш взгляд, очень важны

референтные стратегии – то есть те качества и характеристики, которыми наделяются субъекты. Сюда относят, в частности, основных акторов, их роли и их контекстуальные определения [12. Р. 130].

Также по отношению к субъектам могут быть использованы предикационные стратегии – то есть оценки, которыми наделяются субъекты, а также идентификация акторов с различными социальными группами, их социальный статус и роль в этих группах, пространственная и временная отнесенность, общие характеристики членов группы (категоризация членства), персонализация (обращение к конкретным представителям группы). Сюда относится, например, локализация (глобальный, национальный, локальный уровень), соотнесенность с определенным временным периодом [13. Р. 208].

Для номинализации и предикации используются различные лексико-грамматические средства и изобразительные средства языка (метафора, метонимия, гипербола, синонимы, идеологемы, коллокации и т.д.) Могут использоваться различные грамматические формы, презентующие вышеназванные категории анализа. Харт выделяет, например, такие лингвистические показатели, как:

- существительные, прилагательные, препозиционные фразы, выражения и т. д.
- количественные показатели, числительные, указывающие на количество субъектов.
- местоимения, характеризующие принадлежность к группе (я, мы, наш, они, их) и т. д. [9. Р. 63].

Особый тип стратегий являет собой выражение действий акторов, которые неразрывны с самими авторами, и, безусловно, к ним также могут быть применены предикационные и референтные стратегии, поскольку также важны, например, глобальные и локальные, временные и пространственные характеристики действия, то есть те контекстуальные аспекты, которые характеризуют действие и оценивают его с различных позиций. Действия трудно анализировать безотносительно к субъектам, но иногда оценкам подвергаются именно действия, как, например, часто бывает в случае с коррупционным поведением. Поэтому как референтные, так и предикационные стратегии включены и в поле субъектов, и в поле их действий.

В поле «действия акторов» частично включаются аргументационные стратегии. Это, как пишет Водак, основание позитивных или негативных установок о субъектах. Они также входят в поле «знание», так как для формирования оценок необходимо формирование определенной картины мира, и здесь особенно важны различные подходы к коррупции, ее причинам, факторам и носителям, разрабатываемые идеологами организаций.

Поле «знания» представляет собой исследование картины мира, которую представляет дискурс той идеологии, которая скрыто или явно присутствует в нем. Он предполагает, что предыдущие два аспекта анализа – субъекты и их действия, необходимо не только соотнести друг с другом, но и попытаться сформировать принципы, стратегии, на основании которых строится поведение субъектов, в каком контексте осуществляется их поведение, в каком отношении они находятся по отношению друг к другу. Дискурс-анализ в данном случае восходит к методу «восхождения к теории», согласно которому дискурс предстает как «базовая тематическая структура» [15. Р. 31], на которой дискурс анализ ставит акценты, и которая определяет основную функцию дискурса. Этот раздел анализа позволяет ответить на вопросы «Почему?», «Для чего создается дискурс?», увидеть в нем те или иные скрытые, дискуссионные и вызывающие интерес аспекты («Происходит что-то интересное» [15. Р. 92]).

Последняя группа стратегий, по мысли Водак, направлена на преувеличение – преуменьшение значимости, то есть квалификация эпистемологического статуса тех или иных утверждений путем усиления – ослабления иллюкативной силы высказывания [14. Р. 49]. Мы будем называть их стратегиями легитимизации, поскольку легитимация включает в себя обоснование действий акторов и формирование моделей поведения, основанных на определенной картине мира. Именно на этом этапе появляется «позитивное определение себя и негативное – других», поскольку вступают в силу отношения власти, выраженные в дискурсе.

Здесь также оказываются важными нормы, на которые ориентировано действие, а также такие стратегии, как интенсификация – смягчение действия, модальность, активность – пассивность, которые, безусловно, имеют свои специфические лексико-грамматические способы репрезентации (время, модальность, использование суффиксов, наречий, синтаксических конструкций и иных средств). Также в отношении действий используются такие характеристики, как позитивное (утверждение чего-либо) или негативные (отрицание, отказ от чего-либо), а также связанные с ними категории конструктивности – деструктивности. Также важны такие категории, как трансформация – ориентация на изменения, либо консервативная ориентация – стремление поддерживать определенное состояние, коллективный или индивидуальный характер действий и т. д.

Что может быть выявлено в результате анализа? Во-первых, логика дискурса, то есть определенная взаимосвязь между субъектами, их поведением, в результате чего перед нами предстает определенная картина мира, определенное социальное знание, которое представляет собой социальный конструкт, концептуализацию социального института, сферы социальной жизни и т. д. Ван Дейк обозначает этот конструкт как «топик» (topic) – картину мира, представленную в стратегиях поведения, в оппозициях и в перспективе. На этом этапе важной представляется кохезия как взаимосвязь между акторами, их поведением, выраженная лингвистическими средствами в виде различного рода синтаксических и грамматических конструкций. Топик представляет собой взаимосвязанные между собой пропозиции, объединенные в одно смысловое целое. Достаточно сложно выделить структуру представленного «топика», тем не менее авторы пытаются сделать это, в частности, выделяют глобальную и локальную связность дискурса, различают подобно тому, как различают глобальную и локальную структуру дискурса. Глобальная связность дискурса обеспечивается единством темы или «топика» дискурса. Локальная связность дискурса представлена отношениями между минимальными дискурсивными единицами и их частями.

Согласно холистическому подходу многих авторов, в самой структуре топика или ментальной карте дискурса трудно выделить универсальные составляющие, которые могут быть применимы к анализу любого дискурса, поскольку каждый дискурс является репрезентацией определенной социальной структуры. Например, Харт демонстрирует медиативную функцию дискурса как опосредующего взаимосвязь между социальным неравенством и укорененными социальными структурами [9. Р. 124]. Это значит, что топик представляет собой целостную «метадискурсивную» структуру, в которой как бы раскрывается смысл социальной реальности, глубоко укорененный в культуре и поведении людей.

Р. Водак характеризует топик как «стандартные» аргументационные схемы. Это означает, что на данном этапе анализа важны такие стратегии, как стратегии аргументации, то есть какими способами субъекты доказывают необходимость определенной идеологии или определенных стратегий поведения, насколько доказательны их утверждения и какие приемы они используют. Также следует указать на необходимость выявления пресуппозиций, отсылающих к определенному «общему» знанию, формирующему «эпистемологические сообщества». По Харту, стратегии легитимизации предполагают комплексное воздействие на читателя или слушателя всех остальных стратегий (например, предикационных или референтных), иначе говоря воздействие на установки людей, их представления и верования.

Такой феномен обозначается также в дискурс-анализе как коэргия, то есть стратегия, предполагающая эмоциональную реакцию. Стратегии легитимизации и аргументации воздействуют не только на эмоциональном, но и на рациональном уровне, заставляя нас поверить в то, о чем говорится, воспринимать это как истину. Для этого используются различные лингвистические инструменты – наречия и идиомы, статистические данные, отсылка к авторитетным источникам (предполагаемое, как общеизвестное и очевидное, что может быть связано с пресуппозициями), а также элементы интердискурсивности, которые характерны для современных дискурсов. Тенденция маркетинга современных дискурсов, о которой писал Фейркло, делает эти стратегии наиболее актуальными для позиционирования определенных социальных проектов и институтов. Холистический подход к анализу дискурса также предполагает, что лингвистические средства, используемые в текстах, не могут быть отделены от тех социальных явлений, которые они представляют, образуя своего рода «грамматику социальной жизни» [15. Р. 23].

Таким образом, дискурс в рамках критической теории понимается как форма действия, посредством которого люди могут взаимодействовать с миром и друг с другом, а также как форма репрезентации социальной практики, а, следовательно, социального знания. Критический дискурс-анализ делает акцент на взаимосвязи дискурса и социального действия, социальной практики. Дискурс не только является отражением социальной практики, но и сам является социальной практикой, формирующей как ментальные, так и поведенческие установки субъектов дискурса. Используя методологию выделения стратегий дискурса в критическом дискурс-анализе, возможно анализировать прежде всего дискурсы, позиционирующие социальные организации, борющиеся за права определенных социальных групп (этнических, гендерных и т. д.); дискурсы, позиционирующие решение тех или иных социальных проблем (экономических, экологических, политических и т. д.), материалы СМИ, социальных сетей и т. д. Стратегии дискурса позволяют выявить позиции основных субъектов, вовлеченных в процесс обсуждения и передачи информации об актуальных социальных проблемах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.
2. Ван Дейк Тён А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
3. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4(38). С. 287-291.
4. Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК Гнозис, 2003. 280 с.
6. Baker P., Ellece S. Key terms in discourse analysis. L., N.-Y.: CIPG, 2011. 234 p.
7. Fairclough N. Critical discourse analysis: papers in the critical study of language. N.-Y.: Longman Group Ltd, 1995. 265 p.
8. Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge: Polity Press, 1992. - 258 p.
9. Hart C. Critical discourse analysis and cognitive science. New perspectives of immigration discourse. N-Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 219 p.
10. Dijk T.A., van. Critical Discourse Analysis. In: Schiffrin, Tannen and Hamilton, Eds. 2001. P. 352-371.
11. Dijk T.A., van. Discourse and Context: A sociocognitive approach. Barcelona: Pompeu Fabra University. 2010.
12. Dijk T.A., van. Society and Discourse: how society context is influence text and talk. Cambridge: Cambridge university Press. 2009.
13. Wodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. Jef Verschueren et al Eds. Handbook of Pragmatics. Amsterdam: John Benjamins. 1995. P. 204-210.
14. Wodak R. Critical Discourse Analysis. Continuum Companion to Discourse Analysis. ed. / Ken Hyland; Brian Paltridge. London: Continuum, 2011.
15. Wood L.A., Kroger R.O. Doing discourse analysis: Methods for studying action in talk and text. Thousand Oaks, Calif.; London: Sage Publications, 2000. 240 p.

Поступила в редакцию 29.03.17

M.N. Makarova

**REVISITING METHODOLOGY OF CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS IN SOCIAL SCIENCES:
REALIZATION OF THE STRATEGIES OF DISCOURSE**

The methodology of critical discourse analysis as the comprehensive method of sociolinguistic research is considered. The main approaches to the discourse are analyzed; the common feature of them is representation of the social environment in some language practices. The widest concept is presented in the Norman Fairclough's works, in which discourse is defined as using language in form of social practice. Fairclough found out the several processes of transforming macrostructures of the modern discourses: technologization, marketization, commodification, and democratization. All of such tendencies express the transformation of the late capitalism societies. The interdisciplinary character of the critical discourse analysis and its focus on issues of social inequality and power is highlighted in this article. Intertextuality and interdiscursivity present continuity of discourse that manifest itself as social attitudes and values, which are expressed by the discourse. The categories "intertextuality" and "interdiscursivity" are necessary for comprehensive analysis of the discourse, that involves other texts and genres and for its consideration as a part of another discourses. Such categories represent power relation in society. There are many approaches to the logic of critical discourse analysis. The main of them is related to social actors, their social dispositions, their activities, and the social context in which such activities happen. The key terms of discourse analysis are considered, such as "presupposition", and "coercion". The roles of the main strategies of discourse are demonstrated: referential, predicational, argumentation, legitimation, and topoi. All the process of realization of the strategies is the movement from agents to knowledge, and manifest view of the world that is presented in the discourse and actors' dispositions. The strategies demonstrate how discourse creates the main agents' social identity, their social position, their relations, and the knowledge that determines the interaction between them.

Keywords: discourse, critical discourse analysis, strategies of discourse, intertextuality, interdiscursivity, presupposition, coercion, topoi.

Макарова Марина Николаевна,
доктор социологических наук

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: makmar11@mail.ru

Makarova M.N.,
Doctor of Sociology

Udmurt State University
Universitetskaja str., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: makmar11@mail.ru